

В. С. Соловьев

**Изгнанник: исторический
роман (хроника четырех
поколений)**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С60

С60 **Соловьев В.С.**
Изгнанник: исторический роман (хроника четырех поколений): Часть 1 / В. С.
Соловьев – М.: Книга по Требованию, 2015. – 632 с.

ISBN 978-5-518-01044-4

ISBN 978-5-518-01044-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

старшей сестрѣ, а главное, на нее подѣйствовало это опредѣленіе: „бѣлый... бѣ-ѣ-лый!“ Она даже взвизгнула — и ужъ всѣ трое побѣжали теперь, такъ что только голыя пятки мелькали изъ-за высокой травы...

Между тѣмъ, въ глубинѣ просѣки, показался человекъ съ длинной, бѣлой бородой. Но „лѣсовикъ“ не думалъ преслѣдовать ребятишекъ: замѣтивъ ихъ среди высокой травы, онъ ласково ихъ окликнулъ, поздоровался съ ними, а когда они съ ревомъ пустились отъ него бѣжать, онъ слабо улыбнулся и тотчасъ же забылъ про нихъ.

Теперь онъ шелъ вдоль просѣки скорымъ шагомъ, опустивъ голову, погруженный въ свои мысли. Въ немъ не было ничего страшнаго и на лѣсовика онъ не походилъ нисколько. Несмотря на длинную, какъ снѣгъ бѣлую бороду и на мелкія морщины, избороздившія его блѣдное лицо, онъ вовсе не казался старымъ: шагъ его былъ твердъ и легокъ, какъ у молодого человека; вся небольшая, сухлѣтая фигура, всѣ движенія показывали силу и бодрость.

На ногахъ у него были высокіе, дорожные сапоги; короткая бархатная венгерка обхватывала его все еще гибкій станъ; мягкая широкополая шляпа скрывала его лобъ и глаза. Но когда онъ поднималъ голову и взглянулъ на безоблачное утреннее небо, сквозившее то тамъ, то здѣсь, изъ-за густыхъ вѣтвей вѣковыхъ деревьевъ, свѣтлые глаза его, которые показались ребятишкамъ угольями, блеснули мягко и привлекательно.

Онъ былъ красивъ, этотъ длиннородый, бодрый старикъ, той особенной красотою старости, которая

все увеличивается съ годами, и можетъ быть только отблескомъ разумной жизни, полной трудовъ и испытаній и не помраченной ни однимъ упрекомъ совѣсти.

Достигнувъ конца просѣки, старикъ остановился и оглядѣлся; потомъ свернулъ въ сторону и скоро вышелъ въ ту часть парка, гдѣ слѣды запустѣнія бросались еще больше въ глаза.

Когда-то утрамбованныя и посыпанныя краснымъ пескомъ дорожки, теперь заросли травой. Вычурные мостики, перекинутые черезъ канавы, всѣ повосились. Много лѣтъ нечищенные пруды, покрылись тиной. Густая зелень беспорядочно обвивалась вокругъ бесѣдокъ и почти совершенно ихъ скрывала. Бѣлыя мраморныя статуи мѣстами совсѣмъ почервѣли, обломались и носили на себѣ слѣды многихъ непогодъ.

Давно, давно никто не заглядывалъ въ этотъ старинный паркъ, никто его не поддерживалъ. Хозяина не было и никто не зналъ даже явится ли когданибудь хозяинъ. Теперь здѣсь хозяйничали только разныя насѣкомыя, птицы, да мелкіе звѣрки, расплодившіеся въ великомъ множествѣ.

Зимою, иногда, забѣгали сюда изъ лѣса волки, а лѣтомъ иной разъ забредали деревенскіе ребятишки, да и то ненарокомъ, и постоявъ разинувъ рты передъ какойнибудь статуей, спѣшили скорѣе назадъ въ лѣсъ, боясь, что вотъ, вотъ ихъ ктонибудь накроетъ въ этомъ давно покинутомъ, но все же запретномъ барскомъ паркѣ.

Обогнувъ большой прудъ, старикъ поднялся на живописный холмикъ. Здѣсь, подъ могучими, тем-

ными вѣтвями дуба, еще уцѣлѣла ветхая скамья. Онъ сѣлъ на нее, снялъ шляпу и долго глядѣлъ вокругъ себя, переводя глаза съ одного предмета на другой.

Глаза его вдругъ померкли, тихая одинокая слеза скатилась по щекѣ. Голова опустилась. Непослушная прядь густыхъ бѣлыхъ волосъ скользнула на лицо.

Отсюда, съ этого холма, было видно многое. На далекое разстояніе за прудомъ шла зеленая поляна, и въ ея глубинѣ виднѣлась, озаренная яркимъ солнцемъ, часть фасада бѣлаго стариннаго дома.

Все здѣсь, въ этой живописной картинѣ, было до мельчайшихъ подробностей знакомо старику. Но онъ почти не узнавалъ этихъ съ дѣтства милыхъ предметовъ, хоть они и нерѣдко грезились ему въ теченіе всей жизни, среди совѣмъ иной обстановки. Да, онъ не узнавалъ. Онъ покинулъ эти мѣста почти юношей, и они сохранились въ его памяти во всемъ блескѣ своей былой красоты, изукрашенной и позлащенной всѣмъ яркимъ свѣтомъ юныхъ впечатлѣній.

Когда, въ былые годы, онъ забирался на этотъ холмъ и отдыхалъ на этой самой скамьѣ, все, что его окружало, казалось ему такимъ огромнымъ, величественнымъ, почти волшебнымъ. Этотъ паркъ былъ тогда для него безконечнымъ. Теперь же все явилось передъ нимъ въ уменьшенномъ видѣ — размѣры совѣмъ измѣнились.

Вѣдь вотъ, бывало, этотъ прудъ казался чуть не моремъ. Поляна уходила далеко, далеко, а бѣлый домъ виднѣлся будто на краю свѣта. И этотъ дубъ —

а вѣдь онъ еще какъ разросся съ тѣхъ поръ!—этотъ дубъ уходилъ въ самое небо...

Да, все стало меньше, мельче, все потеряло свой волшебный свѣтъ, а самъ онъ, сухой маленькій старикъ, какъ выросъ!!

Онъ вдругъ почувствовалъ себя теперь великимъ, среди этой, бывало, подавлявшей его величьемъ картины.

Но эти первыя ощущенія скоро замѣнились другими.

Болѣе тридцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ былъ здѣсь. Жизнь была ключемъ тогда и получала новый смыслъ, и казалось—конца не будетъ этой жизни.. все впереди свѣтло такъ было и радостно. Онъ завершилъ тогда двухлѣтной заграничной поѣздкой свою юность. На многое открылись глаза, исчезло много самообмановъ. И наконецъ, явилась давно жданная любовь, произошла встрѣча съ суженой, которую онъ, фантазеръ и мистикъ, ждалъ долгіе годы, которую онъ, при исключительныхъ обстоятельствахъ, узналъ и намѣтилъ себя еще ребенкомъ. Фантастическія грѣзы превратились въ дѣйствительность. И онъ пріѣхалъ тогда сюда, въ родное Горбатовское, для свиданія съ отцомъ и матерью...

Ему казалось теперь, что это было такъ недавно.

Онъ забылся на мигъ и представилось ему, что вотъ онъ встанетъ съ ветхой скамейки, обойдетъ прудъ и найдетъ все точно такъ, какъ было тогда.

И онъ, этотъ сѣдой старикъ, въ которомъ никто бы не узналъ Бориса Сергѣевича Горбатова, бы-

стрымъ, молодымъ шагомъ спустился съ пригорка и поспѣшилъ къ издали бѣлѣвшемуся дому.

Это былъ почти бредъ. Онъ не замѣчалъ, что когда то широкая дорожка, огибавшая прудъ, теперь превратилась въ узенькую тропинку, да и та уже заросла травою. Онъ все слѣшилъ, слѣшилъ. Вотъ сейчасъ откроется передъ нимъ обширный цвѣтникъ, весь пестрѣющій разнообразными, искусно сгруппированными куртинами цвѣтовъ. Мигъ—и онъ услышитъ ласковый голосъ:

„Борись, ты рано вышелъ сегодня утромъ, а я думала погулять вмѣстѣ съ тобою...“

Кто говоритъ это? — мать! Онъ видитъ ее, высокую, прекрасную старуху, съ ясными глазами, съ такой улыбкой, какая только и можетъ быть у матери. Онъ чувствуетъ ея милое привосновеніе.

А вотъ и отецъ въ своемъ старомодномъ костюмѣ, въ неизбѣжныхъ чулкахъ и башмакахъ съ красными каблуками. Вотъ младшій братъ Владиміръ, высокій, полный, въ щегольскомъ мундирѣ гвардейскаго офицера, съ полузакрытыми по привычкѣ глазами, съ вѣчной, полупрезрительной улыбкой. Дальше—граціозная фигурка хорошенькой женщины съ манерами капризнаго ребенка, съ птичьимъ выраженіемъ въ лицѣ, съ тоненькимъ голоскомъ — это Катринъ, жена брата. Тутъ же, въ цвѣтахъ, окруженный няньками, играетъ толстенькій, прелестный ребенокъ и смѣется, заливаясь безпричиннымъ смѣхомъ, пускаетъ пузыри пухлыми губками и тянетъ къ нему свои рученки...

Миръ—и нѣтъ никого. Онъ остановился, оглядѣлся: гдѣ же эти пестрыя клумбы съ причудливо

извивавшимися между ними ярко-желтыми дорожками? гдѣ эти фонтаны?!—Пустырь!!.

Долго онъ стоялъ не трогаясь съ мѣста и, мало-помалу, опять забывалъ дѣйствительность, и опять жилъ въ прошедшемъ.

Да, новая жизнь начиналась: борьба съ любимой невѣстой, еще бѣльшей фантазеркой чѣмъ; онъ, была однако не трудна. Они въ Петербургѣ. Всѣ сомнѣнія исчезли, всѣ недоразумѣнія окончены. Его бѣдная Нина, точно также, какъ и онъ, ждавшая его съ дѣтства, уже не предлагаетъ ему выдуманную ею сначала какую-то „ангельскую любовь“, она поняла свои заблужденія...

Она вышла изъ-подъ вреднаго вліянія Татариновой и ея секты. Она согласна быть его женой. Отецъ и мать не выставляютъ никакихъ препятствій. Свѣтъ толкуеть о *mésalliance*’ѣ; но какое ему дѣло до мнѣнія свѣта. Онъ счастливъ...

А между тѣмъ обстоятельства не позволяютъ ему жить этимъ счастьемъ: въ семьѣ происходитъ драма—онъ случайно открываетъ измѣну жены брата... Съ другой стороны пріятели стараются завербовать его въ члены тайнаго общества... Заговоръ зрѣеть... Смерть императора Александра I помогаетъ заговорщикамъ... Несчастный бунтъ „четырнадцатаго декабря“... Имя Горбатова произнесено, онъ замѣченъ на площади въ числѣ главныхъ мятежниковъ... Его арестуютъ... и при обыскѣ попадается переданный ему братомъ портфель съ бумагами, относящимися до дѣятельности „общества“. Братъ не выручаетъ—молчитъ. Невинный человекъ въ крѣпости. Но онъ не можетъ выдать своего роднаго брата. не можетъ

положить пятна на честное и знаменитое родовое имя...

Приговоръ произнесенъ—Борисъ Горбатовъ въ Сибири, на каторгѣ. Но Сибирь и каторга, эти ужасныя слова, казавшіяся хуже смертнаго приговора, оказываются вовсе не ужасными.

Тамъ, въ далекой и дикой странѣ, началась новая жизнь, только тамъ было приготовлено ему истинное счастье. Онъ не одинъ,—съ нимъ всѣ, кто ему дорогъ. Къ нему спѣшить его невѣста...

Старикъ опять на мгновение прищелъ въ себя и опять осмотрѣлся. Но бывшій роскошный цвѣтникъ, превратившійся въ пустырь, теперь ничего не связалъ ему...

И когда онъ снова ушелъ отъ дѣйствительности, передъ нимъ ясно, ясно мелькнуло зданіе острога въ Читѣ, убогая острожная церковка... Онъ вѣнчается съ Ниной. Глубокое, тихое счастье наполняетъ его душу... Глазами, полными благодарныхъ слезъ, глядитъ онъ на блѣдное лицо своей невѣсты и не слышитъ какъ глухо звенять его кандалы...

Проходитъ время. Каторга... Но развѣ это каторга, когда онъ можетъ часто, часто видѣться съ нею, съ дорогой женою, въ маленькомъ уютномъ домикѣ возлѣ острога, гдѣ она живетъ со своей, обожающей ее, родственницей, княгиней Маратовой.

Развѣ это каторга, когда и старики Горбатовы пріѣзжаютъ въ Сибирь и проводятъ возлѣ сына не мало времени...

Дружная огромная семья политическихъ ссыльныхъ и ихъ самоотверженныхъ женъ; среди дикой природы колонія прекрасныхъ и умныхъ людей, отрезвив-

шихся послѣ тяжелаго урока жизни—развѣ это каторга?! Съ нею было тяжело расставаться, съ этой каторгой, когда были сняты кандалы, когда дружная семья стала разбредаться по безконечному пространству Сибири. Было не мало тоски при прощаніи съ вѣрными друзьями дорогой неволи. И эта неволя не подорвала силы—она создала людей твердыхъ, спокойно и честно глядящихъ на жизнь, безъ ропота принимающихъ свою долю...

Старикъ опустилъ голову и тихо направился къ дому.

Солнце уже высоко поднялось и начинало печь. Кругомъ стояла невозмутимая тишина—ни звука, ни шороха...

Среди этого безмолвія и безлюдья еще унылѣе бросалось въ глаза запустѣнье давно покинутой огромной барской усадьбы. Казалось—все вымерло.

Старикъ вздрогнулъ, сердце его заныло. Ему опять слышались въ этой тишинѣ милые голоса, ему опять виднѣлись дорогія лица.

Да гдѣ же они—гдѣ?!—Всѣ умерли, никого не осталось!.. вся жизнь прошла!..

Зачѣмъ же, получивъ вѣсть о новой свободѣ, онъ такъ спѣшилъ сюда?! Зачѣмъ такъ тревожно билось его уставшее сердце?!

Неужели дѣйствительно уже никого нѣтъ?! Неужели прошла жизнь?!— да когда же это она успѣла пройти?!

И эти долгіе, долгіе годы показались ему сномъ, и показалось ему, что онъ заснулъ здѣсь и тольк теперь проснулся.

Но къ чему же это пробужденіе, если все бы

сонъ, если вмѣстѣ съ этимъ сномъ ушли всѣ они, всѣ, кого онъ любилъ?.. Зачѣмъ было пробуждаться?!

И вмѣстѣ съ этимъ онъ чувствовалъ въ себѣ и силу, и бодрость. Онъ чувствовалъ, что живетъ, и ничто въ немъ не указывало на болѣзнь и дряхлость.

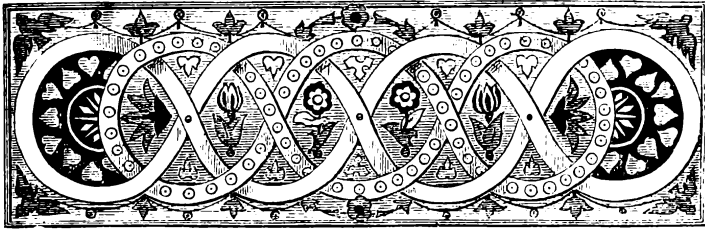
Зачѣмъ же жить?! Для кого жить?! Кого любить?!—Никого нѣтъ... все пусто кругомъ... все тихо... Никто не встанетъ изъ могилы... Ничей дорогой, ла-скающей голосъ не скажетъ на яву: „Ты прошелъ тяжелую, долгую шею, ты вынесъ всѣ испытанія... Ты сохранилъ еще бодрость и силы... Ты на родинѣ, свободенъ, богатъ... еще впереди много безмятежныхъ дней... впереди счастливая старость!“...

Никто не скажетъ!.. Никто не вернется... Все тихо... Все умерло... Все прошло...

Одинъ!.. одинъ!!

Еще ниже склонилась голова старика и тихія слезы, катясь одна за другою изъ глазъ, мочили его длинную серебряную бороду...

II.

Итоги.

Жутко бываетъ человѣку, оглянувшись назадъ и замѣтивъ какъ быстро идетъ время и жизнь, рѣшить, что тридцать лѣтъ—много, много времени. А между тѣмъ это такъ, и не мудрено, что въ продолженіи тридцати лѣтъ большія перемѣны произошли въ семьѣ Горбатовыхъ; не мудрено, что въ это время выросло и созрѣло новое поколѣніе, а прежнее сошло въ могилу.

Бываетъ счастливый родъ, члены котораго наследуютъ отъ предковъ долголѣтіе. Люди видятъ своихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ и умираютъ тогда, когда уже становится тяжело жить, когда отъ жизни взято все, что только можетъ дать она. Но такихъ людей встрѣчается все меньше и меньше, даже въ самыхъ издавна отличавшихся долголѣтіемъ фами-